

Алексеем Баталову — 70

На обороте подпись: Папа, Бабушка, Дедушка и я

Есть актеры безгранично виртуозные, беспредельно переменчивые, вбирающие в себя весь мыслимый красочный спектр, словом, Лицедей Лицедичи, умеющие все. Легко заметить, что Алексей Баталов не из их числа. Сказать, что одинаков, наверно, обидно и неточно, а между тем он действительно, переходя из роли в роль, с завидным постоянством остается самим собой, что и принесло ему долгую, немеркнущую славу, как и долгую, непроходящую зрительскую любовь.

Однажды он сказал: для актера главное — не произнести текст, а понять, что умещается между словами. Формула довольно простая и, конечно же, верная. А потому все-таки, если вспомнить и чуть переиначит классика материализма. В теории всегда все ясно — на то она и теория.

Для самого же Баталова это искомое пространство — не теория, не система, не среда обитания даже, а некий зазор, подобный контакту в автомобильной свече, который или воспроизводит искру или нет. Наверно, к этому можно прийти осознанно, как в конце концов и сформулировал свое кредо актер, но я думаю, козырной туз выпал ему по счастливому раскладу судьбы. С первой же роли, когда он сыграл молодого рабочего парня в культовом для тех времен фильме "Большая семья", он поразила абсолютной естественностью своего экранного существования, но еще больше тем, что за этой естественностью скрывалось еще что-то, уже не зависящее от персонажа. Каким-то неуловимым образом он подал собственный знак и обозначил собственную личность. Главным во всем этом было чувство человеческого достоинства.

В пятидесятые, когда начинал Баталов, его считали исключительно в ранге положительного героя. Он и был им по сути, хотя никогда этого не декларировал в персонаже. Скорее наоборот — приземлял своего героя, стелся пафосности на экране и в жизни.

Вспомните Румянцев, чеховского Гурова, Бориса Бороздина из "Летят журавли", Гусева из "Десяти дней..." Самодостаточность — вот преобладающая краска этих совсем разных людей — по характеру, профессии, жизненному опыту, жизненным целям, наконец. Конечно, повезло, что так сложилось с первых же шагов в искусстве. Но ведь не только его выбирали, выбирал и он. Оказалось — безошибочно.

Стать актером было ему написано на роду. Однажды с гордостью признался, что впервые оказался на театральных подмостках еще во чреве матери. Я знал его маму — Нину Антоновну Ольшевскую — доброго ангела не только семьи и дома на Орднике, но и всех, кто находил в нем приют. Нашел и я, друживший с юности с ее младшими сыновьями. Что это был за чудо-дом, приветливый, хлебосольный, участливый, искренний, веселый, собиравший за одним столом Анну Андреевну Ахматову и однокашников детей, родственников, знакомых, знакомых знакомых, незнакомых, просителей и ходатаев по своим и чужим делам. Глава семейства Виктор Ефимович Ардов никому не отказывал в помощи — он знал, куда обратиться, что сказать, и как-то само собой все устраивалось. На днях говорили по телефону с Михаилом и он вспомнил, как в шестнадцать лет его старший брат Алексей влюбился в двадцатидвулетнюю женщину, решив немедленно на ней жениться. Естественно, его убеждали,

что в таком возрасте в брак вступить нельзя, на что он с немалой уверенностью ответил: "Виктор все устроит!" Виктор Ефимович, его отчим, устраивать не стал, и это, наверно, был единственный случай, когда он отказался помочь ближнему.

Тогда ходили не в гости друг к другу, а об-

То, что

С братьями Михаилом и Борисом

Экран и сцена —

между словами

щаться с друзьями. Братья написали о благословенных замоскворецких временах в своей книге "Легендарная Ордника", и я не буду повторяться, перечисляя, что за люди здесь бывали. Что не имя — то знаменитость. Таким было пространство, в котором рос будущий актер, будущая знаменитость Алексей Баталов. Понятно, что в присутствии Ахматовой и в голову не придет кичиться своей знаменитостью. Среда сызмальства оберегла Алексея Баталова от искуса славы, оберегает и до сих пор. Вы видели, чтобы он мелькал на нынешних тусовках, посиделках, телеэкранах? Впрочем, никогда не мелькал.

Сначала, когда я с ним познакомился, мне казалось, что его желание прошмыгнуть по

Экран и сцена —

терской паузы, — а потом правую". "Это еще зачем? — недоумевали мы. "А затем, чтобы знали, что ты опять перестраиваешься", — торжествуя отвечал он. Представляете, как давно это было? Но с тех пор я пользуюсь мигалкой. А с крымских времен не тороплюсь обгонять машины в дорожной суете. "Обгонять надо сразу всех, — настаивал Баталов, — одним рывком, чтобы потом ехать одному." Тогда по экранам только что прошли "Десять дней одного года", актер был невероятно популярен, но вот на крымском серпантине за какое-то нарушение нас остановил инспектор, расплился перед Баталовым в любви, но дырку в талоне все-таки пробил. Тогда я понял, что это такое, когда человек несчастен.

А недавно в интервью очень глянцевого журналу прочел его слова о том, что машина это не более чем железка и не стоит по ней убиваться из-за какой-то аварии.

ните заключительную сцену из "Десяти дней" — Смоктуновский-Куликов говорит там: эх, если бы все человечество состояло из Гусевых... А Баталов-Гусев отвечает: как бы это было уныло — одни Гусевы, белые, желтые, черные.

Перечитал его книжку, изданную в середине восьмидесятых, и заново поразила трепетности записок об актерах — Ролане Быкове, Вере Марецкой, Иннокентии Смоктуновском, Петре Алейникове, Марселе Марсо, многих других. Здесь не только любовь к профессии и тончайшее понимание всех ее сплавов, но и любовь к людям. И странно — меньше всего о себе, хотя вроде бы мемуарный жанр. Но рассказывая о других, он открывается сам.

К его юбилею телевидение крутит старые фильмы. Диктор торжественно объявляет: к семидесятилетию великого русского актера Алексея Баталова... Великий же русский

улице, устремив взгляд на носки ботинок и нахлобучив кепку почти что на глаза, несколько нарочито, слишком подчеркнуто, потом понял, что он и вправду стеснительный человек. "Быть знаменитым некрасиво", — мог бы повторить он парадоксальную строку. Но зачем повторять, если она уже давно стала твоею!

Помню, ранней весной 62-го ехали мы с ним в Крым, у него тогда болели глаза, должен был показаться симферопольским врачам, а в Ялте Паустовский обещал ему помочь в работе над сценарием "Тамани". Я был приглашен в его "Москвич" в качестве шофера-сменщика. Что было высшей честью по тем временам. Руль Баталов никому не передавал. Считал себя непререкаемым авторитетом во всем, что касалось машины. Почти по-чеховски, который снисходительно относился к критике своих сочинений, но не выносил, когда кто-то сомневался в его умении удить рыбу. Между прочим, когда у нас об этом и понятия не имели, я узнал от Баталова, что высшим шиком во Франции при обгоне считается включить мигалку. "Сначала левую, — рассказывал он, — вернувшись из Канна. И после долгой ак-

Он педантичен, если мягко определить одну из основных черт его характера. Самосуд, если вспомнить еще одну. Но это — для близкого круга. За долгую свою и счастливую жизнь в искусстве он никогда не дал ни малейшего повода усомниться в искренности и честности своих намерений, в полной самоотдаче, в совестливости, с какой-то отнесенности к любому делу. Никогда не ходил в начальника, никогда не был работодателем, кроме тех случаев, когда ставил свое кино, очень редко соглашался на публицистические высказывания, но как-то незаметно, исподволь стал одной из духовных опор нашей жизни. Представляю, как усмехнется, если эти строки попадутся ему на глаза. Всегда снижал пафос иронией. Пом-

актер в мыле репетирует со своими вживокскими студентами, отказался от всех торжеств, кроме встречи в родном теперь ему институте с учениками, спешит на переозвучивание.

У него есть собственный голос, который ни с каким другим не спутаешь. У него есть собственное кино. У него есть собственное достоинство. А потому у всех у нас есть Алексей Баталов.

Александр АВДЕНКО